

ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 60-х ГОДОВ XIX в.

Изображение народной жизни в 60-е годы XIX в. было связано с коренными проблемами развития русской литературы и стремлением русских писателей принять активное участие в решении важнейших политических и социальных вопросов современности.

Взвалив на себя задачу искоренения пороков и зла современной общественной жизни, русская демократическая литература пореформенной эпохи своими неустанными поисками “абсолютной правды” и справедливости красноречиво продемонстрировала одну из специфических сторон русского национального самосознания – “безграничную свободу духа и бесконечные искания невидимого дома” (Бердяев). Недаром Н.А. Бердяев позднее, размышляя о характере русской ментальности, писал, что русская душа “вечно печалуется о горе и страдании народа <...> и мука ее не знает утоления. Душа эта поглощена решением конечных проклятых вопросов...” [1]. В данном случае философ имел в виду и ту “героически настроенную интеллигенцию”, которая шла на смерть во имя материалистических идей” [1], и ту, которая составляла славу и гордость русской литературы.

Средоточив внимание и усилия на борьбе вокруг крестьянского вопроса и на последствиях освободительной реформы 1861 г., демократическая критика снова поставила проблему народности в центр всех литературных и научных споров, сделала изучение жизни народа, его материальной и духовной культуры задачей первостепенной важности.

Понятие народности литературы в демократической критике 60-х годов получило отчетливо выраженное социальное содержание и неразрывно связывалось с интересами простого народа всех национальностей России. В то же время представители литературной критики в трактовке понятия народности литературы не упускали из вида и необходимость наличия в художественном произведении как этнических признаков, так и местного колорита. Выражая свое несогласие со славянофилами в понимании народности искусства, Добролюбов писал: “Заботьтесь об истине, а народность придет сама собою. От нее вы не убежите: она в вашем происхождении, в вашем быте, во всей обстановке, при которой вы живете” [2]. Без местного колорита в обстановке и подчеркнута национальных черт в характере действующих лиц Чернышевский не мыслил подлинно художественного, реалистического произведения. “Для Чернышевского, – пишет М.К. Азадовский, – “местный колорит не экзотика и не внешний этнографизм, но элемент подлинного проникновения в народный быт” [3]. Решающим условием народности литературы критик считал изображение правды жизни.

В новую историческую эпоху оказалось уже недостаточно одного пристального наблюдения над народным бытом, возникла необходимость его более глубокого изучения и тщательного исследования.

Рассматривая народ как живой организм, а его пороки и добродетели как резульат общественного развития, Чернышевский и Добролюбов требовали от исследователей всестороннего и скрупулезного анализа социальных условий его бытия.

В статье "Органическое развитие человека" Добролюбов возможность развития человеческого в человеке ставит в прямую зависимость от состояния общества, его социального устройства и подчеркивает, что "самые недостатки воспитания представляют ... историческое явление, вытекающее из современного порядка вещей" [2, II, с. 442]. Обогащая идею народности новым содержанием, Чернышевский и Добролюбов стремились определить путь дальнейшего развития русской литературы и, понимая ее великую роль в общественном развитии, направить поступательное движение страны в нужное, с их точки зрения, то есть революционное, русло. "У русских революционеров, ставших атеистами, – писал Н.О.Лосский, – вместо христианской религиозности явилось настроение, которое можно назвать формальной религиозностью, именно страстное, фанатическое стремление осуществить своего рода Царство Божие на земле без Бога, на основе научного знания" [4].

Этими стремлениями демократической критики определялись и те требования, какие она предъявляла к народному писателю. Он, с точки зрения Добролюбова, должен иметь "верный взгляд" на современную действительность и незаурядный "талант рассказчика", ему "нужно не только знать, но глубоко и сильно самому переучувствовать и пережить эту жизнь, нужно быть кровно связанным с этими людьми, нужно самому некоторое время смотреть их глазами, думать их головой, желать их волей, надо войти в их кожу, в их душу" [2, II, с. 55].

Демократические идеи захватили как сферу литературы, так и область научной мысли, оказывали свое влияние на формирование новой историографии и молодой филологической школы, крупнейшими деятелями которой были А.Н.Пыпин, Н.С.Тихонравов, А.Н.Веселовский, А.А.Потебня, А.А.Котляровский и др., которые внесли огромный вклад в теоретическое осмысление фольклора, оставили неизгладимый след в истории языкознания и определили многие положения русского литературоведения.

Расходясь по ряду принципиально важных вопросов с революционной демократией 60-х годов, но, выступая в русле просветительского движения, они серьезно воздействовали на литературный процесс эпохи. Их требования исторического понимания народности, тесной связи науки с общественными проблемами современности, утверждение великой роли народных масс в историческом процессе и реалистического отношения к жизни подкрепляли теоретические положения литературной критики и благотворно влияли на характер литературного развития. Даже мифологические процессы представители молодой филологической школы стремились объяснить с реалистической точки зрения. Темы, выдвигаемые демократической критикой, были основными не только в творчестве писателей-демократов, но и в деятельности нового поколения филологов и историков.

Выдвигая на передний план социальные обстоятельства, формирующие нравственный облик человека, определяющие быт, духовную и материальную культуру народа в целом, Чернышевский и Добролюбов особое значение придавали достижениям народознания (фольклористики, этнографии) и призывали современных писателей включиться в процесс всестороннего изучения народной жизни.

Скрупулезного изучения положения народа, требовали и проводившиеся в 60-е годы реформы, имевшее место несоответствие правовой системы России

новым условиям крестьянского бытия. Складывавшаяся под влиянием крепостного режима правовая система распространялась лишь на три четверти населения страны. “К середине XIX в., – пишет Т.В.Шатковская, – все население России делилось на две неравные группы: крестьян, составлявших подавляющее большинство и живших вне закона, и дворян, купцов, мещан и разночинцев, общественные отношения которых регламентировались законами” [5]. В народном быту многовековой правовой опыт закрепляли обычаи. Правовое сознание крестьян красноречиво отражали народные пословицы: “Свой обычай в чужой дом не носи”, “Со своим обычаем в чужой монастырь не ходят”, “У Сидора обычай, а у Карпа свой”, “На обык есть переобык” и т.д. Крестьяне бережно относились к своим обычаям и правовым традициям, причем многие из них выполнялись в силу привычки, рефлексивно, утратив зачастую свое мировоззренческое содержание.

Было совершенно очевидно, что правовую систему России необходимо согласовать с традиционными народными представлениями.

Целое поколение писателей-демократов, выдвинутое бурной эпохой 60-х годов, откликнулось на призыв руководимого Чернышевским “Современника”. Исследуя реальные конфликты русской действительности, отражая как основное в жизни народных масс постоянную и упорную борьбу за существование, демократическая литература 60-х годов раскрывала народную жизнь во всей ее сложности и противоречивости. Постижение народа – уяснение его мировоззрения, социально-экономического состояния, основ жизненного уклада – осуществлялось писателями-демократами через изучение быта трудовых низов, их нравов, устного поэтического творчества.

Задачи изучения народной жизни определяли деятельность как демократически настроенных писателей, так и профессиональных этнографов-исследователей.

Предпочитая специальным фольклорно-этнографическим экспедициям “хождение по Руси”, писатели-демократы зорко всматривались в современную им действительность и на основании собранного материала делали важные выводы общественно-политического значения. “Область этнографии весьма обширна, – писал в 1864 г. “Современник”, – в нее входит не только то, чем собственно и ограничивалась обыкновенная наша этнография – сказки, песни, пословицы, свадебные обряды, поверья и т.п., т.е. не только археологическая и внешняя сторона народного быта, но и его современная, общественная и экономическая действительность, общественные и религиозные понятия и вообще нынешнее содержание народного образа мыслей, то, что ждет своего развития в будущих успехах нашей цивилизации...” [6].

Включившись в процесс исследования народной жизни, талантливые писатели-разночинцы – Н.Успенский и Решетников, Левитов и Слепцов, Г.Успенский и Помяловский и многие другие, – осуществляя выдвинутую журналом “Современник” программу изучения и изображения быта демократических низов, внесли огромный вклад в развитие русской литературы и оставили неизгладимый след в истории отечественной этнографии. Они, как писал Горький, “дали огромный материал к познанию экономического быта нашей страны, психологических особенностей ее народа, изобразили его нравы, обычаи, его настроения и желания” [7]. “У нас до сих пор не было и нет ни одного этнографа, который бы сколько-нибудь напоминал европейских исследователей, в роде известного Рилля..., – писал в 1871 г. журнал “Дело”, – этнографы, которых мы называем “учеными”, мало читаются публикой; для нее существует разряд писателей, которых следует назвать этнографами-беллетристами. Они занимаются тем же, что и первые,

но обрабатывают этнографический материал в форме рассказов, очерков, путешествий, украшенных описаниями природы, сценами, размышлениями” [8].

Для русских писателей и теоретиков литературы этнографизм становится одним из важнейших условий ее народности. Не случайно журнал “Современник” отмечал в 1864 г., что “в литературе этнографическая беллетристика заняла такое место, какого еще не занимала никогда” [9].

Как исследователи социальных явлений писатели-демократы не ограничивались изучением частного быта крестьянина или мастерового, а прежде всего интересовались бытом общественным, господствовавшими социально-экономическими отношениями. Они осветили самые темные и затаенные уголки народной жизни, подробности бытующих обычаев и нравов. Разрозненные зарисовки складывались в общую картину, характеризующую русскую пореформенную действительность, отражали типичные для изображаемой эпохи черты.

При всей общности стоящих перед ними задач каждый из писателей-шестидесятников прокладывал свой путь в освоении темы народной жизни, каждый из них имел свой стиль, только ему присущие черты художественной манеры. Не случайно Горький говорил о “хмельной лирике” Левитова, о трепете гнева и отращения у Г.Успенского, скептицизме Слепцова, Решетникова называл “мрачным”, а Н.Успенского “озлобленным” [10]. Индивидуальные особенности каждого из этих писателей проявлялись и в другом. “Анекдотизм”, характерный для Н.Успенского, был чужд Решетникову, – писал Н.И. Пруцков. – Ядовитая ирония и беспощадная сатира были противоположны лирически мягкому таланту Левитова, хотя последний создавал и сатирические произведения. Углубленный психологический анализ Помяловского, соединенный с задушевым лиризмом, отличал автора “Мещанского счастья” от других беллетристов-демократов. Молодой Г.Успенский выделялся в этой плеяде своим печальным, скорбным юмором” [11]. При большом разнообразии форм художественного отражения народной жизни ведущим жанром почти у каждого из них был очерк.

Новые требования, предъявляемые демократической критикой к литературе, вызвали коренные изменения в содержании и структуре жанра очерка, до тех пор раскрывавшего в основном сложившийся и “отстоявшийся” жизненный уклад.

Отмечая новаторский характер литературы 60-х годов, Салтыков-Щедрин в статье “Напрасные опасения” (1868) писал, что “беллетристика заговорила каким-то новым, совершенно отличным от прежнего языком”. “Борясь за “расширение арены правды”, – продолжал он, – литература 60-х годов в то же время по-новому изображает народную жизнь. Сучок, Ермолай, Бирюк, Касьян и другие типы нисколько не знакомы нам с крестьянской средой не потому, чтоб это не были типы, а потому, что они представлялись нам уединенными, стоящими в положении исключительном и преисполненным недомолвок. Нужна была целая крестьянская среда, в которой крестьянин явился бы у себя дома и настолько свободным, чтобы стесняющие его искусственные грани, по крайней мере, не делали для него обязательною немому языку, не заставляли его на каждом шагу озираться и оговариваться” [12, с. 67].

Писателей-демократов 60-х годов в очерках представителей натуральной школы привлекало то, что они, как в свое время писал Белинский, обратились к “толпе”, “изучили ее с глубоким вниманием и избрали своим героем”. Им постоянно импонировал пристальный интерес “физиологов” к этнографии и устному народному творчеству. “Документализм и этнографизм “физиологий” 40 – 50-х гг., – справедливо отмечает А.Ф.Некрылова, – был оценен последующими поколениями бытописателей и перешел к шестидесятникам, а затем и к писателям-народникам” [13].

В 60-е годы очерк становится поистине массовой литературной продукцией. "Отрывки, сцены, картинки, – вот пища, которую предлагают читателю даже наиболее талантливые из наших беллетристов" [12, с. 461], писал Салтыков-Щедрин о новых жанровых формах эпохи.

Небывалая популярность очерка определяет в 1863 г. издание специальной газеты, рассчитанной именно на очерковый жанр, которая так и называлась – "Очерки". На ее страницах печатались как малоизвестные, так и хорошо знакомые читающей публике авторы: Марко Вовчок, Левитов, Степняк.

Газета была рассчитана на то, чтобы знакомить читателя с малоисследованными уголками и пластами народной жизни.

Новая литературная форма обеспечивала писателям возможность всесторонней характеристики социальной среды – наиболее полному и глубокому анализу господствующих общественно-экономических отношений, раскрытию повседневной жизни народа, его нравственного уровня, и духовных устремлений.

Степень художественности демократических очерков была далеко не одинакова. "В литературе, – писал в 1864г. "Современник", – существует два различных рода очерков: очерки, имеющие претензию на художественность, и очерки, не имеющие этой претензии. Первые, из собранных в разное время, иногда в разных местах и сгруппированных в одно фактов, представляют искусственное целое; другие передают факты в том виде, как они представляются наблюдению" [7, с. 229]. Особенно большое впечатление оказывали на публику очерки писателей, группировавшихся вокруг "Современника", "Отечественных записок" и "Дела".

В калейдоскопе сменяющих одна другую картин очерков и рассказов Слепцова, Левитова, Воронова, Г.Успенского мы видим то социально разношерстную массу, то выделяющиеся на миг из нее ярко очерченные отдельные социальные типы, улавливаем мельчайшие черточки быта и нравов демократических слоев русского общества.

В очерке 60-х годов, как обычно, на передний план выдвигается народная среда, коллективный герой. Очерк включает в себя и авторские комментарии, и лирические отступления, особое значение в нем имеет публицистика. Если в "физиологиях" 40-х годов основной их компонент составляло описание, то шестидесятники более важное значение придают диалогу, сценам, концентрируя свое внимание на социальных ситуациях и конфликтах. В основу очерка обычно берется какой-либо незначительный, часто анекдотический, случай, который освещается под таким углом зрения, что сам собой напрашивается вывод о неблагополучии русского общественного быта. Так построены многие очерки Н.Успенского, Слепцова, Г.Успенского, Левитова и других писателей 60-х годов. Очерк Слепцова, к примеру, "На железной дороге" состоит из целого ряда сменяющих одна другую сцен и включает в себя большое количество социальных типов, верно характеризующих пореформенную эпоху. "Публика в вагоне обыкновенная, – рассказывает автор, – офицеры, купцы, дамы средней руки, помещики, дети, солдаты, мужики, четыре бабы, три межевых помещика, один сельский священник с молоденькой дочерью, один несколько пьяный кучер" [14]. "Какая-то барыня очень удобно устроила на перекладине свою шляпу и успела выжить сидевшего с ней мальчишку-подмастерья [14, с. 62]. Рядом – другая сцена:

– Ты, бабушка, убери свои ноги, а то майор придет – он тебя тогда... Уйди лучше от греха, – уговаривает денщик какую-то старушонку" [14, с. 62]. "В другом месте идут тоже увещевания и почти в таком же роде. Вышневолоцкая чиновница уговаривает сидящего с ней рядом:

– Мужичок! а мужичок! Пошел бы ты сел вон туда к окошечку..." [14, с. 62-63].

Особого внимания заслуживает беседа старой бабы с двенадцатилетним крестьянским мальчиком, сбежавшим было с фабрики и снова возвращавшимся туда после отцовской расправы.

– ...То-то вот не нужно бы тебя пускать – мал еще, глуп. Что это у тебя на лбу-то? аль родинка?

– Тятка хворостиной, – равнодушно отвечал мальчик...

– Как же это он тебя?

– Я в лес убег.

– Зачем же ты убег?

– Ат фабрики.

– Ну, а он тебя и пымал?

– И пымал.

– Ах, голубчик ты мой!... Тут он тебя в лесу хворостиной-то и попужал?

– Вперед хворостиной, а после домой привез, лошадь отпряг и начал вожжами пужать: все пужал, все пужал; мать отняла – он матери другой глаз вышиб.

– Ах, ах, ах! Что же он у вас такой? Аль горяч?

– Нет, не горяч, он купцу должен [14, с. 65].

Средствами фольклора передается своеобразная психология фабричных рабочих, уже лишенных черт приниженности и робости, свойственных патриархальному крестьянину.

Внимание к детали, мелочам, в совокупности раскрывающим смысл изучаемого явления, стремление "систематизировать все на свете и от всякого вздора добиваться смысла" [14, с. 39], как писал Слепцов, было характерно для всех очеркистов 60-х годов. В статье "Не начало ли перемены?" Чернышевский говорит об исключительно важном значении вполне закономерных в произведениях малого жанра "мелочных фактов", "которые могут служить ключом к разъяснению важных явлений исторической жизни" [15]. Анализируя очерки и рассказы Н.Успенского, критик замечает, что все они "только маленькие отрывочки, как будто листки, вырванные из чего-нибудь, а из чего – догадаться нельзя" [15]. Тем не менее, в них Чернышевский видит подробный анализ характерных явлений народной жизни предреформенной и пореформенной России.

Реализм писателей-демократов явился новой ступенью в процессе историко-литературного развития, сменившей натуральную школу. Исходя из требований общественного развития, шестидесятники стремились преодолеть типичное для своих предшественников противоречие между методом познания и изображением среды и характера. В 60-е годы вопрос об отношении человека к среде получил особое значение. Шестидесятники проводят мысль о необходимости практического преобразования среды – как сословных, юридических, так и социально-экономических современных отношений, уродующих и искажающих человеческую природу.

Можно без преувеличения сказать, что характерный для русской ментальности христианский идеал служения обездоленным, безусловно, был близок демократической интеллигенции 60-х годов. Об этом очень хорошо сказал выдающийся современный философ М.Маслин. "Можно спорить, – пишет он, – какой след оставил христианский культ юродивых, несчастных, обиженных в современной русской литературе. – Но не приходится сомневаться, что в русской литературе XIX века эта тема была ведущей для русской интеллигенции, стремящейся слиться с народом, "вернуть долг народу" (Лавров), опроститься (Толстой). Образы народных заступников, рассказы о страданиях тех, кто нуждался в покровительстве и защите, буквально переполняют страницы изданных в России книг. Да и идеи, высказанные Белинским в 1841 г., напоминают во многом идеи первоначального христианства" [16].

Необходимость борьбы с крепостническими пережитками и вообще с нежелательными, враждебными человеку общественными явлениями требовала, утверждал "Современник", нового подхода к изображению народа в литературе. Сострадательное отношение к мужику, изображение его благородным, кротким и умным, характерное для писателей 40 – 50-х годов, не могло отвечать требованиям времени. Противопоставляя неприкрашенную правду жизни идеализации народного быта, имевшей место в литературе предшествовавших десятилетий, писатели-демократы, как писал Горький, "показали совершенно другого мужика, дикого, невежественного, не умеющего оценить своих интересов, неспособного бороться за них иначе, как посредством кулака" [17].

В результате тщательного анализа существовавших общественных отношений, всестороннего исследования народного быта писатели-демократы пришли к выводу о губительном воздействии на народ складывавшихся новых общественных отношений порождавших тупоумие, одичалость и невежество.

Новые тенденции в изображении народной жизни наметились уже в конце 50-х годов в первых очерках Н.Успенского, напечатанных на страницах журнала "Современник": "Хорошее житье" (1858, № 2), "Сцены из сельского праздника" (1858, № 5), "Змей" (1858, № 8), "Ночь на светлый день" (1858, № 2), "Дорожные сцены" (1859, № 9). Все они написаны в форме небольших художественно-этнографических зарисовок, в целом представляющих широкую картину народной жизни предреформенной поры. Направленные полемически против идеализаторов народного быта, эти очерки раскрывали такие темные явления русской действительности, как невежество, грубость нравов, показывали неразвитость, забитость и легковерие "деревенских простаков" (Чернышевский), их дурные наклонности. Крестьяне пропивают последние гроши, за водку "миром" сдают в солдаты отца многочисленного семейства ("Хорошее житье"). В карикатурном виде изображаются темные крестьяне, принимающие за летающего змея хитрого обольстителя, ловко пользующегося народным невежеством ("Змей"). Ум, расторопность, осведомленность в народной медицине принимаются крестьянами за колдовство ("Колдунья").

Показывая народную темноту, власть суеверий и предрассудков над крестьянами, Н.Успенский расценивает эти факты как народное горе, обусловленное долгими веками феодально-крепостнических отношений. Переночевав на постоялом дворе, мужики не могут сосчитать, сколько они должны заплатить хозяину ("Обоз"). Невежественный, грубый, наскоро обученный фельдшер из бывших лакеев не в состоянии оказать крестьянам необходимую медицинскую помощь ("Сельская аптека").

Продолжая традиции автора "Губернских очерков", Н.Успенский давал понять, что все уродства деревенской жизни являются следствием крепостного состояния народа, и подводил читателя к выводу о необходимости оздоровления русского народного быта.

Веря в народ и понимая его великую роль в историческом процессе, журналы "Современник", "Отечественные записки" призывали выявлять и устранять причины, тормозящие рост народного сознания, сковывающие народные силы и возможности. Они требовали слова правды о народе "как бы ни больно уязвлялось от того наше патриотическое самолюбие" [12, V, 25]. "... если мы действительно сочувствуем народным массам, – писал Салтыков-Щедрин, – мы должны брать их так, как они есть", и всегда учитывать "тот нравственный и умственный потенциал, на котором они стоят, и из него уже отправляться далее" [12, V, с. 323].

Чернышевский увидел в творчестве Н.Успенского начало крутого поворота в развитии русской литературы, перелом в подходе к изображению народа и в

обогащении методов очеркового бытописания. В суровой правде изображения коллизий, характерных для народной среды, он усмотрел отражение прогрессивных настроений.

В произведениях Н. Успенского критик не находит ни интересных сюжетов, ни мастерской их отделки, ни психологического анализа, “ни яркой, жгучей тенденции”, “ни превосходного слога”. Главное отличительное качество этих рассказов, по мнению Чернышевского, заключается в том, что в них дана “правда без всяких прикрас” [15, VII, с. 856].

“Правды без прикрас” требовал от авторов произведений из народного быта и Добролюбов. В статьях о рассказах Марка Вовчка и Славутинского он выступает против снисходительного отношения к мужику, которого долгое время представляли существом, лишенным собственного достоинства, незащищенным и покорным. Сравнивая новую литературу о народе, не обходящую убожество быта и духовной нищеты крестьянина, с повестями и рассказами 40 – 50-х годов, Добролюбов замечает: “Там было высокомерное снисхождение, а здесь вера в народ” [2, VI, с. 53]. В рассказах Славутинского Добролюбов находит “верный такт действительности” и проявление подлинной народности. Писатель, подчеркивает он, “обходится с крестьянским миром довольно строго: он не щадит красок для изображения дурных сторон его, не прячет подробностей, свидетельствующих о том, какие грубые и сильные препятствия часто встречают в нем доброе начинание или полезное предприятие” [2, VI, с. 53].

По мнению Добролюбова, народный писатель не должен “подлаживаться ни к читателю, ни к народу”, “ему должно быть свойственно мужественное, прямое и строгое воззрение на простой народ”, “сознание той деятельной роли, которая готовится народу в недалеком будущем”.

Задачу пробуждения народных масс представители демократической критики неразрывно связывали с путями дальнейшего развития русского общества, которое было невозможно без активизации народного сознания. “Если в настоящее время сфера ее (народной массы – В.С.) деятельности только отрицательная, если в настоящее время эта масса вся опутана и наружными, и внутренними путями, – писал Салтыков-Щедрин, – но придет же когда-нибудь час, когда эти путы разрешатся, и в тот час, торжествующая и просветленная, чего она не совершит? чего не подвигнет за собой?” [12, V, с. 124] Нравственная неразвитость и забитость становились серьезным препятствием на пути народного прозрения и выпрямления.

Мировоззренческий уровень народа демократы 60-х годов неизменно ставили в зависимость от “внешних обстоятельств”, его формирующих.

На конкретном, несущем в себе черты местного колорита, материале строит свои очерки П. Якушкин, раскрывая в них губительное воздействие на народ порочных общественных обстоятельств.

Привыкшие рабствовать темные орловские мужики, не зная за собой никакой вины, покорные воле проезжающего мимо чиновника, безропотно всем миром едут сечью, оставив полевые работы (“Велик Бог земли русской”). Озадачивающие всякого бесшабашным озорством донские казаки с гордостью называют себя “сорви-головами”, потомками Ермака, которому приписывают все свои мнимые “достоинства” (“Путевые письма”).

Грубость донских казаков, низкий нравственный уровень оглушающих грязным сквернословием “потерявших свой тип” красноярцев, теневые стороны их быта – пьянство, драки, шаткость семейных устоев – Якушкин объясняет целым рядом социально-исторических обстоятельств: материальными условиями бытия, разношерстностью состава населения, отсутствием образования [18].

Размышляя о России и современном состоянии ее народа, Якушкин прибегает к впечатляющему сравнению. “Рассказывают, – пишет он, – в Америке сколотят домишко, другой и строят училище. Мне приходилось видеть будущий русский город Калач, и, кажется, что история постройки русского города отличается от постройки американских городов. В Америке прежде всего строят училище, в России – кабак, присутственные места с острогом, потом дома, а как во всяком образованном государстве по всем городам должны быть, хоть для приличия, училища, то выстраивают дом, прибавляют вывеску – “училище”, заводят кой-какого учителя и довольствуются” [19].

Описывая своеобразные нравы красноярцев и донских казаков, их привычки, Якушкин отмечает как характерные явления в их быту пьянство, драки, сквернословие, бесшабашное озорство, разрушение народной нравственности. Все это накладывает свой отпечаток и на местный фольклор. Донские казаки слышны и об Ермаке, и о Стеньке Разине, и о Пугачеве. Но каждому из них они дают свою оценку. Себя они считают “ермаковцами”, “сорви-головами” и, рассказывая о Ермаке, рисуют его образ не иначе, как по своему подобию, только еще более отчаянным и бесшабашным: “Теперь сорви головы, а прежде!” [19, с. 128]. Пугачева характеризуют как человека “доброго, незлопамятного”, который “пригоршнями деньги в народ бросал”. “... водитель был храбрый, простой казак, наш донской, только пил уж очень крепко” [19, с. 134]. Что касается Стеньки Разина, то он, по представлению казаков, “и воитель был великий, а еретик, – так, пожалуй, и больше, чем воитель” [19, с. 135], “не столько силой брал, сколько еретичеством” [19, с. 137].

Шаткость нравственных устоев красноярцев ведет к утрате исторически сложившегося русского типа. “... при здешней распущенности нравов, – пишет Якушкин, – в 200-300 лет русские потеряли свой тип и не успели образовать “астраханского, прикаспийского” [19, Т.188, 13].

Критике подвергнулся и традиционный, как бы застывший в своей неподвижности патриархальный крестьянский быт, определявший консерватизм, пассивность народной массы, крайнюю близорукость в трактовке жизненных явлений. Рассказывая о приильменских рыбаках – новгородских “позерах”, – С. Дубровин в очерке “Позеры в Новгороде” [20] отмечает как характерные их свойства простодушие и темноту, духовное убожество и ограниченность кругозора. Для бродяг и всевозможных проходимцев, облакающих себя в личину христовых подвижников, Позерье – обетованная страна, счастливая Аркадия. Пригрев в своем доме бродягу-обманщика, уверовав в его бескорыстие и “святость”, Прокофий и Лукерья не способны прозреть и не сомневаются в его избранности перед Богом даже после того, как он, обокрав их, исчез из дома.

В 60-е годы, в период небывалого политического подъема, передовая общественность уделяла серьезное внимание вопросу формирования человеческой личности, связывая его с другим, не менее важным вопросом – состоянием светских и духовных учебных заведений. Как порождение враждебных человеку “внешних обстоятельств” рассматривает Н.Г.Помяловский современное духовное училище (“Очерки бурсы”). Он представляет бурсу порочным учебным заведением, нравственно разлагающим души воспитанников, приучающим их к ничем неоправданной жестокости, вообще характеризующей состояние русского общества.

Важнейшей темой в демократической прозе 60 – 70-х годов стала тема капитализирующейся России. Эпоха, когда “все перевернулось”, породила трагическое мироощущение, внося в жизнь людей разлад и неуверенность в завтрашнем дне, а “варварский” русский капитализм периода первоначального накопления пугал своими антигуманистическими тенденциями.

Прослеживая процесс разрушения изживших себя патриархальных отношений, писатели-демократы выступили с резкой критикой нарождавшихся новых буржуазно-капиталистических порядков. Их очерки – своеобразная летопись “переходного” времени 60 – 70-х годов XIX в.

Новая эпоха вносила серьезные изменения в быт простого народа. То, что раньше воспринималось как единичные отступления от сложившихся норм народной морали (например, губительное воздействие на народную нравственность фабричного производства, показанное Григоровичем), в 60-е годы стало обычным жизненным явлением.

Ломка старых и рождение новых общественных отношений определяли стремление очеркистов 60-х годов осмыслить народную жизнь в целом, передать все те, еще не совсем понятные им процессы, которые проходили под напором буржуазно-капиталистических веяний.

Показывая отмирание старого, исчезновение “былого великолепия”, связанного с помещичьим бытом, Слепцов в очерках “Владимирка и Клязьма” с тревогой отмечает, что в новую эпоху “вместо сетей крепостных, люди придумали много иных”.

Слепцов зорко всматривается в меняющуюся на глазах социальную русскую действительность. Его занимает теперь не сама по себе духовная и материальная культура народа, а те изменения, какие внесла реформа 1861 г. в народную жизнь, не традиционные формы быта, а скорее их разрушение под напором складывавшихся новых отношений. “Чем дальше забираюсь вглубь Владимирской губернии, – пишет он, – тем сильнее сказывается промышленный дух ее населения во всем, решительно во всем, начиная хоть с построек <...> Да и говор тоже значительно изменился: оканье с мягким припевом на первом слого и вдруг обрывающимся ударением на последнем здесь в полной силе” [14, с. 318].

Особенно явственно столкновение двух эпох представляется автору очерков в Горенках, на бумагопрядильной фабрике Волкова, разместившейся в старом вельможском дворце с паркетными полами, мраморными стенами и венецианскими окнами, из которых виднелся запущенный парк. Огромные залы этого замка были битком набиты прядильными аппаратами – “странное сближение остатков барства с фабричною работою” [14, с. 261].

Поставив перед собой задачу, изучить положение рабочих на промышленных предприятиях, их быт, нравы, выяснить ход дел на фабриках, Слепцов стремился понять основные процессы пореформенной русской жизни. С отрадой видит он разрушение старых дворянских гнезд, отмечает быстрый рост промышленного производства. Как следствие серьезных социальных перемен рассматривает очеркист протекавший процесс дифференциации крестьянства – выделение из общей массы деревенского населения, с одной стороны, не похожего ни на земледельца, ни на мастерового “особого типа” мужика, который обзаводится брюхом и капиталом и называется мироедом” [14, с. 291], с другой – безземельного крестьянина, представляющего собой дешевую рабочую силу на промышленных предприятиях.

Писатель выясняет причины повсеместного сочетания в селах земледелия с фабричными работами. “... земли мало, оброк велик”, – объясняет ему баба на пути из Леонова в Богородск. То же слышит он и в Бунькове: “земли мало, узнали об освобождении, оброку набавили, купцы-монополисты купили у помещика землю, среди села построили фабрики” [14, с. 288].

Раскрывая материальную культуру населения, Слепцов подчеркивает ее обусловленность экономическим состоянием края и усиливающейся в жизни

ролью денег. Время преобразило вид не только отдельных построек, но даже целых сел Владимирщины. “С первого взгляда можно видеть, – отмечается в очерке, – что эти двухэтажные (очень часто даже и каменные) избы с претензией на городскую архитектуру, выстроены не для собственного житья... Известно, что русский мужик не любит света и, выстроив щедро освещенный дом, для приезжающих, непременно устраивает для себя где-нибудь в самом заду коморку, в которой напичкано у него все семейство и весь домашний скарб и, если можно, то и скотинки даже немножко прихвачено” [14, с. 324].

Подобно другим представителям демократической прозы, Слепцов стремится к предельной реалистической правде в изображении народной жизни. Он говорит о грубости нравов, темноте и забитости населения, пьянстве и моральной нечистоплотности, бытующих в народной среде, расценивая это как следствие разрушения национального быта под влиянием нового времени.

“Правда без всяких прикрас” видна в каждой сцене очерков Слепцова, раскрывающих народный быт. Описывая крестьянскую свадьбу, которую ему пришлось наблюдать в Леонове, очеркист подмечает самые прозаические, а порой и грубые мелочи, сопутствующие свадебному ритуалу. Описание фривольного поведения свата, свахи, передача непристойных намеков и двусмысленных реплик гостей исключали какую бы то ни было идеализацию народного быта. Под конец сват “произвел скандал, высадил раму, и ее закрыли полушубком” [14, с. 286]. Подчеркнуто прозаически описана и чета молодых. “Сама “княгиня”, круглолицая и некрасивая женщина лет 16-ти, во все время бесстрастно смотрела на скатерть и облизывалась, а “князь” с лоснящимся лицом, в новой ситцевой рубашке поводил глазами из стороны в сторону и самодовольно встряхивал волосами” [14, с. 285].

Изучение и отображение быта, нравов и социального положения фабрично-заводских рабочих стало одной из основных задач демократической литературы 60-х годов.

Очеркисты 60-х годов стремились придавать своим работам практическое значение. Предавая гласности творящиеся на промышленных предприятиях безобразия, они значительно ограничивали произвол хозяев. То, что казалось нормой, когда оно не подвергалось обсуждению, начинало представляться как чудовищное беззаконие.

Вместе с тем художественно-этнографический очерк имел серьезное значение в историко-литературном процессе, играя важную роль в становлении как эпических, так и драматургических жанровых образований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Душа России // Русская идея. – М., 1990. – С.303.
2. Добролюбов Н.А. Собр.соч. в 9-ти томах. Т. I. – С.315.
3. Азадовский М.К. История русской фольклористики. – М., 1963, Т.II.– С. 105.
4. Лосский Н.О. Характер русского народа. – М., 1957. Кн. I.– С.55.
5. Шатковская Т.В. Закон и обычай в правовом быту крестьян второй половины XIX в. // Вопросы истории. – 2000. – № 11-12. – С. 96.
6. Современник. – 1864, № 11. – С. 192.
7. Горький А.М. История русской литературы. – М., 1939. – С.219.
8. Дело. – 1871, № 12.– С. 82-83.
9. Современник. – 1864, № 9. – С. 64.
10. Горький М. Собр.соч. в 30-ти томах. – М., 1953. Т. 25. – С. 347.
11. Пруцков Н.И. Литература 60-х годов // История русской литературы XIX в. – М., 1978. – С. 27.

12. **Салтыков-Щедрин М.Е.** Полн.собр.соч. – М., 1937. Т. VIII. – С. 43.
13. **Некрылова А.Ф.** Очеркисты-шестидесятники // Русская литература и фольклор (вторая половина XIX в.). – Л., 1982. – С. 183.
14. **Слепцов В.А.** Сочинения в двух томах. – М., 1957. Т. I. – С. 62.
15. **Чернышевский Н.Г.** Полн.собр.соч. – М., 1939 – 1949. Т. VII. – С. 886.
16. **Маслин М.** “Велико незнание России” // Русская идея. – М., 1990. – С. 10.
17. **Горький М.** История русской литературы. – М., 1939. – С. 220.
18. Цензура всячески препятствовала публикации “Путевых писем” П.Якушкина. В цензурных делах хранится корректура этих очерков, не пропущенная Цензурным комитетом к печати. См.: ЦГИА Санкт-Петербурга, ф. 777, оп.26, ед.хр.11.
19. Отечественные записки. – 1868. Т.180.– С.128.
20. Очерк был напечатан в “Отечественных записках”, № 7 за 1871 год.

SUMMARY

In this article the author considers some questions of ethnographical and sociological researches of Russian national reality during the 60-s years of the 19-th century and the upraise of the ethnographical literary essay, its structure and role in the development of historical and literary process.